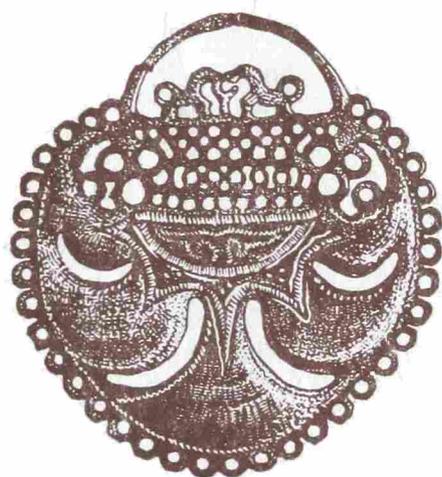

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

4

1974

В. И. САРИАНИДИ

БАКТРИЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Открытие Советско-Афганской археологической экспедицией ранее совершенно неизвестной древнеземледельческой культуры в Северном Афганистане представляет особый интерес в нескольких отношениях. Во-первых, заполнен существенный пробел в наших знаниях, во-вторых, впервые появилась возможность связать воедино контуры былых исторических процессов, протекающих на обширной территории Афганистана, Ирана, Средней Азии и Пакистана в эпоху бронзы. Словом, Северный Афганистан благодаря своему промежуточному расположению выделяется в тот узловой регион, где скрещивались древние культурные связи и традиции, за которыми скрывается реальная история племен и народов, выходивших на арену древневосточной цивилизации.

Предварительные сообщения уже появились в литературе¹, однако накоплен новый, а главное, разносторонний материал, дающий возможность охарактеризовать общий облик древней культуры этого района (рис. 1).

Изучаемые памятники (рис. 2) ныне располагаются в пустынном, безводном районе, где обширные такыры перемежаются с небольшими надувными песчаными грядами. Современные водотоки не доходят до памятников, заканчиваясь в 10—12 км южнее у с. Мардиана, однако есть все основания предполагать, что в древности они проходили далее на север, вплоть до дашлинского оазиса. На этой водной системе (возможно, использовалась сеть небольших выводных каналов) и базировалось древнее земледельческое хозяйство исследуемых племен.

Выявленные памятники достаточно четко подразделяются на два типа. Первый, и наиболее распространенный, тип — это неукрепленные, сильно расплывшиеся на многие десятки метров и слабовыраженные в рельефе блинообразные возвышения. Памятники этого типа не раскапывались. Второй тип — это единичные укрепленные поселения, состоящие из высокого холма-крепости и примыкающего, более низкого поселения.

Памятники второго типа стали известны благодаря раскопкам на Дашлы 1, где была выявлена крепость и ее внутренняя застройка. Удалось установить, что в древности на месте холма находилась прямоугольная крепость (размером 90×85 м), обнесенная по внешнему краю

¹ И. Т. Кругликова, В. И. Сарияниди. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. СА, 1971, № 4; И. Т. Кругликова, В. И. Сарияниди. Советско-Афганская археологическая экспедиция. АО — 1971, М., 1972; И. Т. Кругликова, В. И. Сарияниди. Советские археологи в Афганистане. Вестник АН СССР. М., 1971, № 9; В. И. Сарияниди. Эпоха бронзы Северного Афганистана и его среднеазиатские связи. Тезисы докладов, посвященных итогам новых исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971, стр. 107—108; *его же*. Археологические исследования в Северном Афганистане в 1971 г. Успехи Среднеазиатской археологии, вып. 2. Л., 1972, стр. 53—54; V. Sarianidi. North Afghanistan in Bronze Period, «Afghanistan», XXIV, № 2, p. 26—38; *его же*. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане, КСИА АН СССР, 132. 1972.

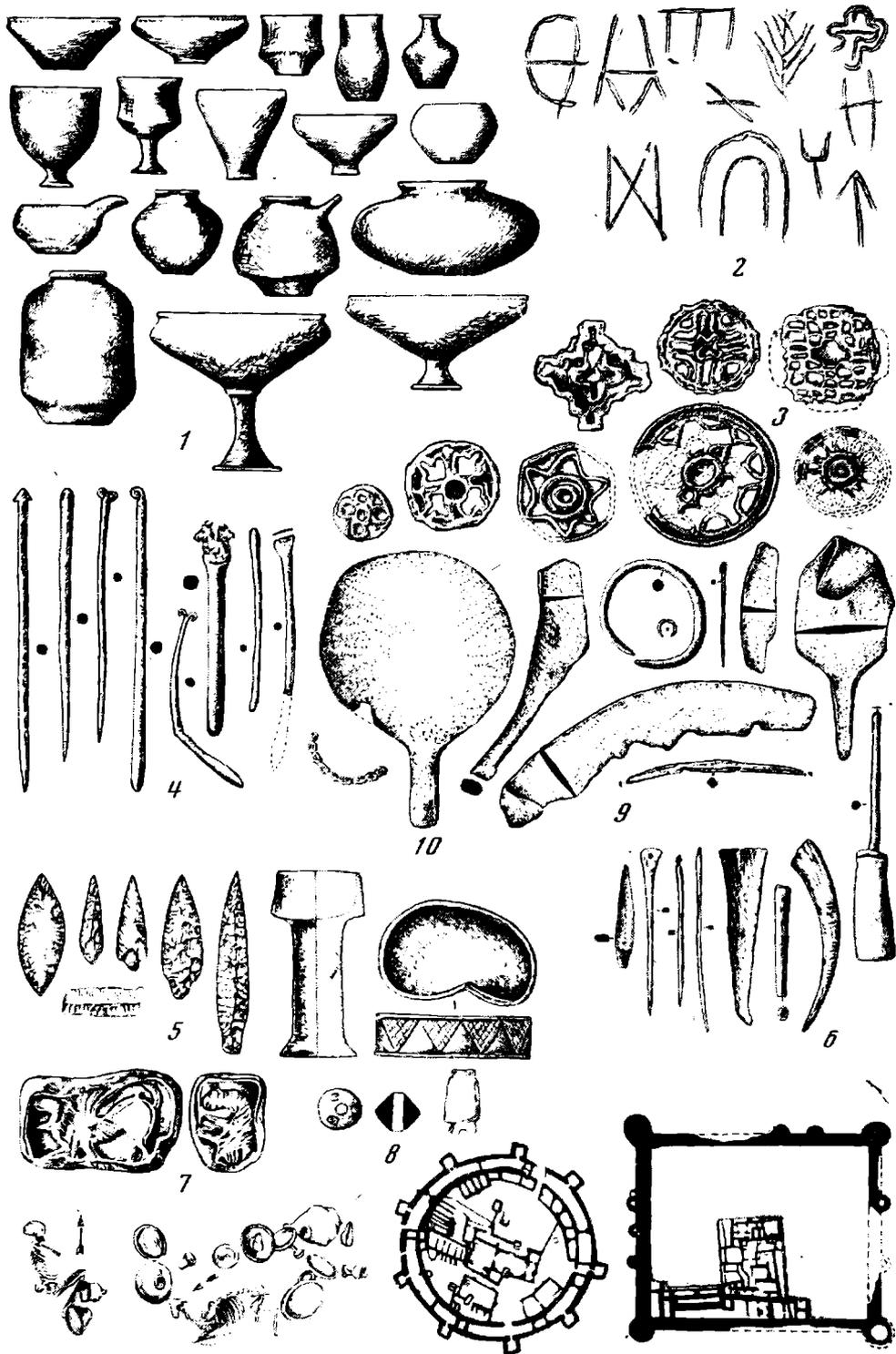

Рис. 1. Дашлинский комплекс эпохи поздней бронзы

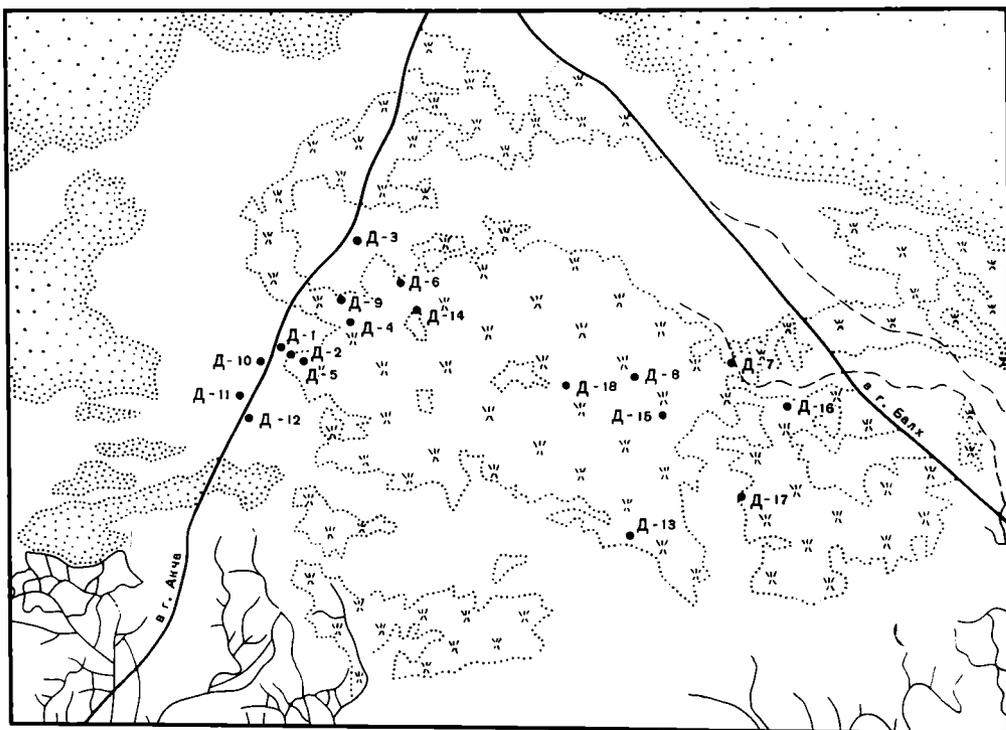

Рис. 2. Схематическая карта памятников дашлинского оазиса

мощными оборонительными стенами. По углам крепости устроены круглые башни, возведенные сложной системой кладки сырцового кирпича (рис. 3). Дополнительные башни расположены по внешнему периметру крепости, причем сближенные башенки, возможно, в древности оформляли входы ворот. Основание западной стены частично покоится на культурных наслоениях толщиной в 15—20 см, что свидетельствует о том, что крепостные стены были сооружены на месте существовавшего здесь ранее неукрепленного поселения.

Наибольшая высота крепостных стен достигает 2 м, а соответствующая ей архитектура внутри крепости сохранилась на высоту около 2 м. В совокупности эти промеры с бесспорностью указывают по крайней мере на 4-метровую высоту, а учитывая уровни полов вскрытой архитектуры, можно утверждать, что оборонительные стены крепости Дашлы 1 достигали 6—8-метровой высоты. Выявленный тип прямоугольной крепости с угловыми башнями впервые отмечен для столь раннего времени, а ее общая планировка и фортификация свидетельствуют о большом значении, которое придавалось обороне крепости. Очевидно, что история существования изучаемых племен протекала в достаточно сложных условиях, не исключавших возможности и внешних вторжений. С другой стороны, не все поселения оазиса имели крепостные сооружения, что свидетельствует о далеко зашедшем процессе дифференциации местного общества.

Раскопки внутри крепости выявили планировку, состоящую из помещений жилого и хозяйственного назначения (рис. 4). Стены возведены из прямоугольных сырцовых кирпичей (размеры их варьируют от 45×24×10 см до 50×25×12 см) и покрыты штукатуркой (смесь глины с рубленой соломой); полы помещений представляют собой толстые глиняные промазки. Следует сразу же отметить, что вскрытая архитектура представлена сплошной застройкой, что препятствует четкому выделению отдельных жилых комплексов. Несколько отличаются от остальных узкие помещения (№ 35, 36, 39, 40, 41, 50), непосредственно примыкающие к смежной оборонительной стене крепости. Все они заполнены горелым

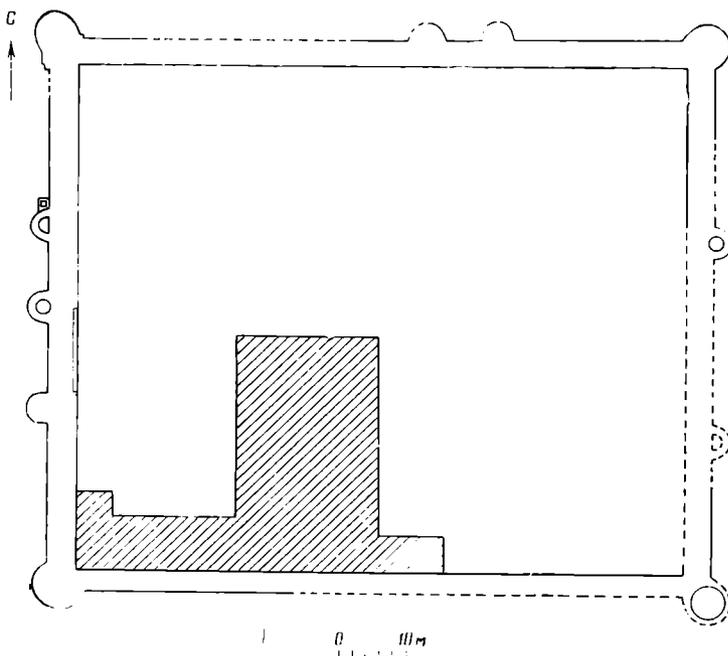

Рис. 3. Дашлы 1. План крепости. Штриховкой дана раскопанная часть крепости

слоем и, видимо, погибли в результате пожара. Не исключено, что эти помещения были связаны с оборонительной стеной, судя по их необычной конфигурации и расположению около нее, тем более что именно в них встречено большое количество глиняных ядер яйцевидной формы. Возможно, близкими по назначению являлись и помещения № 42—48. Представляется, что в целом все помещения, непосредственно примыкающие к оборонительной стене, до определенной степени были связаны с защитой крепости. Именно отсюда, скрываясь за мощной оборонительной стеной, можно было отражать возможную осаду. Есть основание предполагать, что вдоль всех крепостных стен Дашлы 1 тянулись помещения, имевшие преимущественно оборонительное назначение. Не исключено, что отмеченные горелые помещения свидетельствуют о драматических событиях, тем более что обожженные слои частично прослежены и вдоль западной стены крепости.

Хотя трудно судить с уверенностью о назначении других вскрытых комнат, все же некоторую помощь могут оказать выявленные в них очаги. Выявлено два основных типа: пристенные очаги (помещения 10, 17, 43, 44), видимо, служившие для приготовления пищи, и специальные камины (помещения 18, 30), служившие в основном для обогрева; лишь в одном случае (помещение 27) отмечен очаг-выкладка. Предполагается, что помещения с каминами были в основном жилыми, в то время как с пристенными очагами — преимущественно кухнями. Хотя определение назначения помещений по конструкции очагов недостаточно достоверно, однако раскопки не выявили ни улочек, ни переулков, ни площадей, которые бы выделили отдельные дома или группы домов. Перед нами сплошной жилой массив, состоящий из помещений жилого и хозяйственного назначения. Если учесть, что раскопки вскрыли пятую часть всего памятника, а древняя планировка в конечном счете отражает характер и внутреннюю структуру общественного устройства, то можно предполагать, что вскрытая часть крепости являлась местом обитания большой семьи. В таком случае в крепости Дашлы 1 могло проживать всего несколько таких большесемейных единиц, объединенных кровным родством.

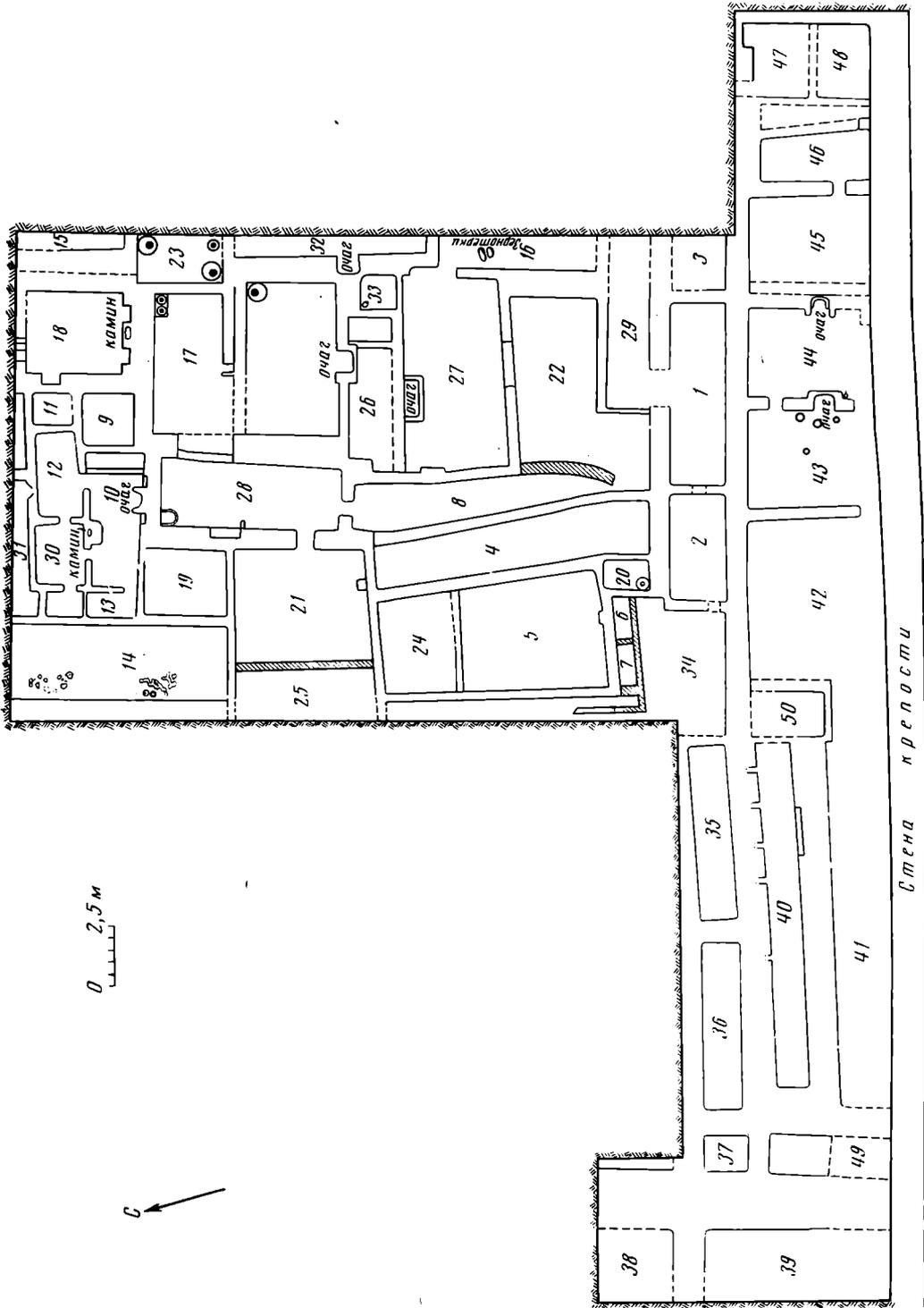

Рис. 4. Дашы 1. План раскопа внутри крепости

При всей условности привлечения этнографических параллелей думается, что в данном случае они будут вполне уместны. Дело в том, что в Северном Афганистане до сих пор около небольших деревушек располагаются своеобразные крепости (среднеазиатские — курганча). Они имеют строго прямоугольную конфигурацию, по углам располагаются круглые башни; добавочные башенки устроены по периметру внешних стен, причем, как правило, сближенные башенки фланкируют входы с деревянными двухстворчатыми воротами. Если добавить, что подобные крепостцы по размерам приближаются к Дашлы 1, то станет очевидной их взаимная близость между собой. Как правило, в настоящее время в таких крепостцах совместно проживают несколько поколений кровных родственников — наиболее зажиточные и влиятельные семьи. Приведенные сопоставления дают право определять памятники типа Дашлы 1 как укрепленные поселения, в которых обитали выделившиеся в системе местного общества семьи. Тип памятника, состоящий из крепости и прилегающего поселения, присущ не только исследуемому оазису, но известен в Северной Бактрии² и Маргиане³. Налицо сформировавшийся тип поселения, закономерно проследимый на этой огромной территории и отражающий в конечном счете сходную линию развития древнего общества Бактрии и Маргианы. Таковы в целом бытовые памятники древней Бактрии, наряду с которыми существовали и сооружения особого назначения.

Монументальная архитектура известна благодаря систематическим исследованиям другого памятника — Дашлы 3, расположенного примерно в 3 км от Дашлы 1 и состоящего из высокого холма и прилегающей пониженной части. Хотя сам холм не раскапывался, уже визуальное обследование показало на его необычное назначение. Косвенное свидетельство тому дает монументальная планировка, видимо, светского назначения, прослеженная по микрорельефу холма и представляющая собой серию обширных (типа залов) помещений, соединенных специальными коридорами. Вместе с тем планомерные работы на прилегающем к холму, слабо-выраженном в рельефе, блинообразном возвышении выявили остатки монументального здания. В настоящее время полностью раскопана центральная часть всего комплекса, так называемое круглое здание, состоящее из двойного кольца стен, образующих вместе своеобразный обводной коридор с проходами, ведущими в выступающие наружу башенки (рис. 5). Круглое здание было выстроено сразу по единому плану, поскольку основные стены стоят непосредственно на материке. Вместе с тем внутренняя планировка претерпела частичные перестройки, причем отмечается по крайней мере два периода в истории существования круглого здания.

Обводная галерея выделяет круглое здание в самостоятельный комплекс, отграничивая его от прилегающих сооружений. Доказательством тому служат помещения за внешней стеной круглого здания (как, например, помещения 19, 21 и др.), как бы вписанные между башенками, но нигде не соприкасающиеся. Перегородки внутри галереи образуют серию глухих отсеков, но всегда сообщающихся с башенками; кроме того, имеются проходы как во внешнем кольце стен (между башенками II и III, V и VI), так и во внутреннем (помещения «Е», «З», «М»). Не исключено, что обводной коридор выполнял роль той промежуточной зоны, через которую проходили контакты всего круглого здания с прилегающими постройками. Но и в таком случае не совсем ясным остается назначение самих башенок: имеют ли они культовое назначение, либо оборонительное, последнее представляется более вероятным. В этой связи отметим, возможно, не случайное совпадение, когда во внешнем и внутреннем кольцах стен имеется по три прохода, которым соответствуют девять башенок.

² А. Аскарлов. К вопросу о выделении культуры Сапалли. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973, стр. 21.

³ В. И. Сарганиди. Древности низовий Мургаба. АО — 1972, М., 1973, стр. 483.

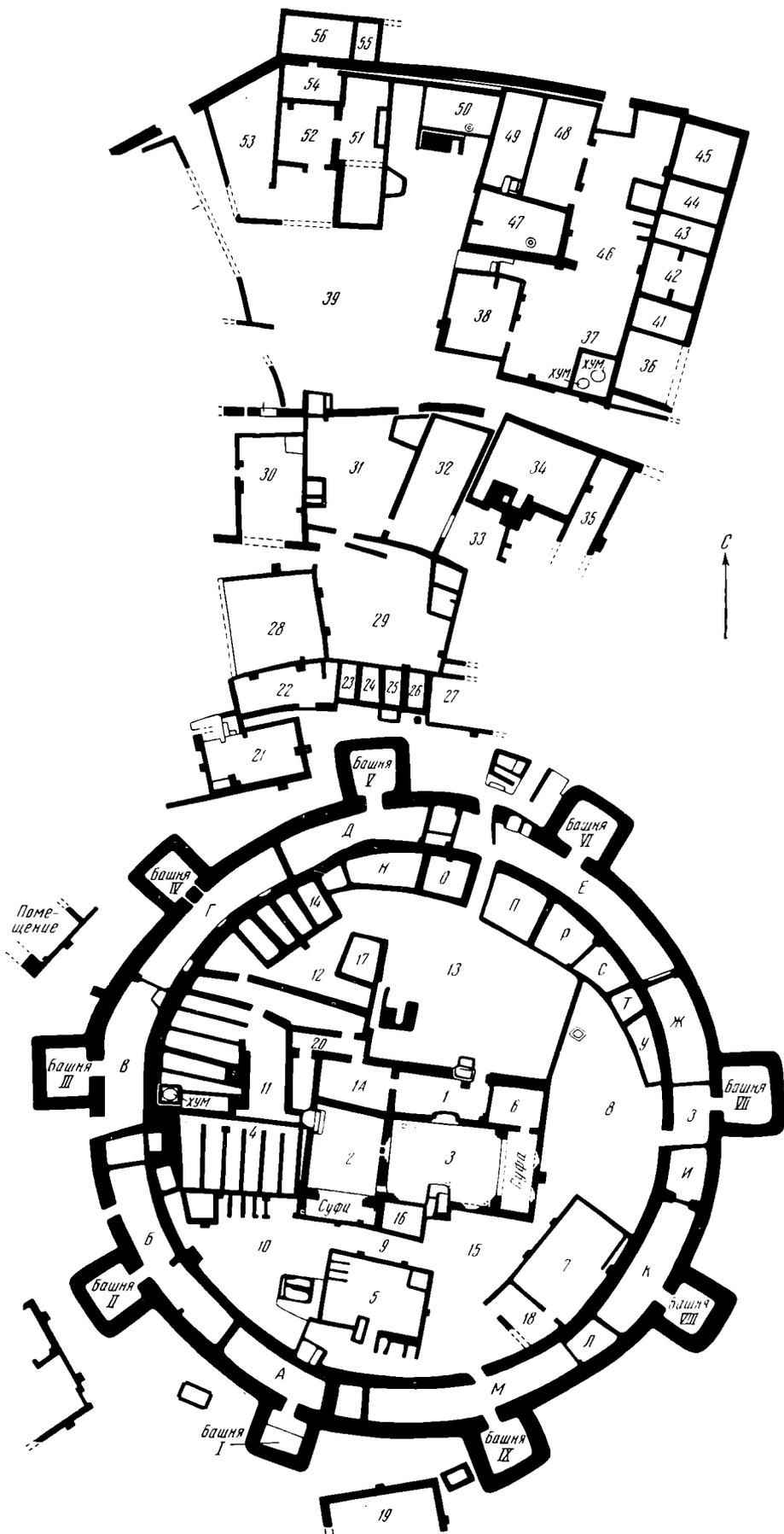

Рис. 5. Дашлы 3. План центральной части храма (диаметр круглого здания около 40 м)

Главный вход располагался в северной части здания между башенками V и VI — единственное место, где имеется свободный проход через оба кольца стен, ведущий прямо к внутреннему ансамблю помещений. Через главный вход можно было попасть в обширный двор (помещение 13), где на уже накопившихся мусорных слоях был возведен двухчастный очаг. Кирпичный забор ограничивает следующий двор (помещение 8), где также на мусорозольных отложениях сохранились остатки небрежно вылепленного глиняного очажка.

Судя по косвенным наблюдениям, помещение 7, возможно, было выстроено несколько позднее, чем остальной комплекс. В помещении 5 обращает на себя внимание проход, оформленный с двух сторон очагами — прямоугольным и овально-вытянутым. Еще два очага устроены за внешней западной стеной, причем выделяется сложной конструкции трехчастный очаг, возведенный на высокой кирпичной платформе; вокруг него прослежен мощный зольный отвал. Если учесть своеобразные дворы (помещения 10 и 15), то окажется, что внутри круглого здания, полу-кругом огибая центральный комплекс, идет незастроенный участок. Зато западная часть оказалась тесно застроенной длинными параллельными стеночками, образующими серию узких отсеков, условно выделенных как помещения 4 и 11. Назначение их остается неясным; можно лишь вспомнить близкие по типу строения, известные как в Месопотамии (от Джармо до Гавры), так и в Южном Туркменистане (от Джейтуна до Кара-Тепе). По-видимому, прямо связан с описанными конструкциями целый хум, аккуратно вставленный в кирпичный футляр, тщательно обмазанный изнутри штукатуркой. В целом же пока остается очевидным, что помещения 4 и 11 были тесно связаны с центральным комплексом (помещения 1, 2, 3, 6, 16) системой узких коридоров и проходов.

Центральный комплекс отличается от всей остальной вскрытой площади: вместо обычных мусорных слоев все эти помещения оказались заполнены (а скорее забутованы) глинистой массой желтоватого цвета с большой примесью самана (разложившийся кирпич?). Вся эта желтая глинистая масса не содержала никаких находок, исключая единичную мелкофрагментированную керамику. Судя по всему, сохранившиеся к моменту раскопок помещения были специально забутованы и надстроены, однако процессами дефляции более поздние строения оказались полностью развееванными.

Второе отличие заключается в необычно тщательной отделке интерьеров тонкоотмученной штукатуркой, настолько характерной, что при зачистке дернового слоя именно по этой обмазке были ооконтурены сами помещения. Кроме того, интерьеры комнат сохранили достаточно сложный архитектурный декор, также пока более нигде не отмеченный.

В рассматриваемом комплексе помещения 2 и 3 имеют принципиально сходную планировку и, видимо, именно они были центральными. В помещении 2 в южной части устроено возвышение — суфа, ограниченная от остальной комнаты двумя фигурными пилястрами, соединенными тонкой стеночкой. В северном углу устроен двухчастный очаг, возведенный на кирпичной платформе высотой около 80 см; устье его обращено внутрь комнаты и тремя ступеньками опускается к полу.

Не менее интересно и помещение 3 так же с суфой-возвышением, отделенной от остальной комнаты массивными фигурными пилястрами, соединенными общей стенкой. В восточной стене выявлены две ниши, имеющие в плане пирамидальную форму за счет устройства декоративных ступенчатых «уголков»; в середине противоположной западной стены имеется еще одна ниша с двумя сквозными отверстиями. Еще две ниши устроены в северной и южной стенках, причем северная сильно обожжена и заполнена золой, так что, возможно, это своеобразный очаг.

Сложной конструкции трехчастный очаг на платформе из трех рядов кирпича устроен в середине южной стены; от устья до пола идет сплош-

ной слой белой слежавшейся золы. На полу этого помещения выявлено несколько ямок-лунок, заолненных угольками и мелкими костями животных, сожженных «на стороне» и лишь затем засыпанных в лунки. Хотя конкретное назначение помещений остается не совсем ясным, представляется несомненным общее культовое назначение всего круглого здания. На это указывает и сама планировка, в основе которой лежит круг, и необычной отделки интерьеры центрального комплекса, и особые по конструкции и назначению очаги, вознесенные на кирпичные платформы и скорее всего являвшиеся алтарями. Последнее обстоятельство может указывать на большую, если не основную роль огня в культовых обрядах, протекавших в исследуемом здании.

Продолжение раскопок на Дашлы 3 показало, что круглое здание составляет лишь центральное ядро, вокруг которого широким поясом и опять-таки по кругу располагались взаимосвязанные помещения, составляющие еще три таких кольца. Судя по предварительным наблюдениям, можно думать, что по внешнему фасу весь этот архитектурный комплекс был заключен в кирпичный футляр, дающий в плане гигантский квадрат (130—150 м в стороне), у основания которого, возможно, проходил глубокий ров.

Оценивая в целом планировку раскопанного сооружения, можно предположить, что это остатки монументального культового здания типа храма, а учитывая большую роль огня, храма огня. Судя по общему архитектурному плану, можно предполагать близость храма с Дашлы 3 скорее со сходными храмами огня древнего Ирана, чем Месопотамии.

Если вспомнить, что рядом находящийся холм представляет собой остатки монументального светского здания типа дворца⁴, то станет очевидным, что пункт Дашлы 3 был административно-культовым центром всего дашлинского оазиса. В таком случае исследуемый микрорайон поселений эпохи бронзы выступает как единый общественно-социальный организм с выделившейся административно-культурной прослойкой, регламентировавшей как светские, так и религиозные дормы повседневной жизни всех обитателей этого района. Как бы то ни было, храм на Дашлы 3 выступает как уникальное культовое сооружение, впервые открытое для столь раннего времени на Древнем Востоке.

Экспедицией были исследованы также погребальные памятники. Переходя к погребениям, отметим, что они представлены как впускными могилами в руинах былых зданий (Дашлы 1 и 3), так и отдельно расположенным грунтовым могильником (Дашлы 3). К сожалению, в грунтовом могильнике раскопано всего несколько захоронений. Могильные ямы округлые в плане, вырыты в древнем такыре и, по-видимому, имели сверху кирпичные перекрытия. Как по погребальному обряду, так и инвентарю грунтовые захоронения как будто не отличаются от обычных погребений.

Последние составляют основную массу известных захоронений и, бесспорно, впускные, так как в ряде случаев их могильные ямы перерезают стены былых помещений. Погребальные сооружения представлены прямоугольными могильными ямами, перекрытыми сверху кирпичами. Если не у всех, то у отдельных могил имелись кирпичные своды, свидетельством чему служат пустые погребальные сосуды, на донышках которых сохранились лишь небольшие глинистые натеки от дождевых смывов.

В погребениях обычны скорченные скелеты, на боку (в единичных случаях на спине или животе); преобладает северная ориентировка. Погребальный инвентарь, как правило, включает сосуды (от 1—2 до

---

⁴ Ср. совместное расположение храма огня и светских зданий, относящихся к ахеменидскому времени. *M. Roaf and D. Stronach. Tepe Nush-i Jan, 1970. «Iran», 1973, XI, p. 129—138.*

15—20), в единичных случаях каменные и металлические украшения (зеркала, браслеты, булавки, височные кольца). Примерно третья часть выявленных могил содержит неполные скелеты (вплоть до нескольких костей), но всегда в них имеется обычный погребальный инвентарь. Подобного типа захоронения достаточно хорошо известны в археологии Юго-Западной Азии, где они определяются как «частичные». Подобный обряд отмечен в Южном Иране (могильник Хураб)⁵, Белуджистане (Сохр Дамб)⁶ и Пакистане (Сват, могильник Тимаргарха)⁷.

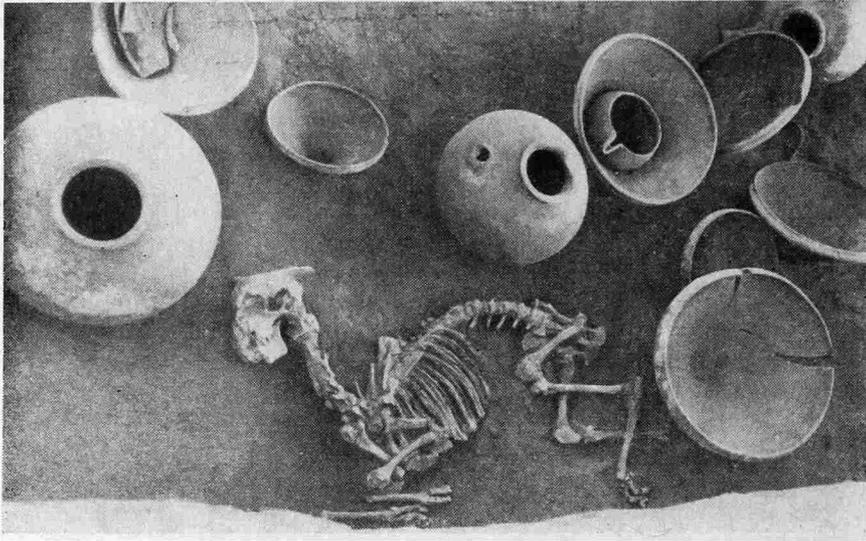

Рис. 6. Дашлы 1. Ритуальное захоронение барана

Под частичными захоронениями подразумеваются вторичные перезахоронения, после разложения трупов «на стороне». Не исключено, что близкие, если не аналогичные, обряды бытовали и в Северном Афганистане, что, естественно, не исключает наряду с этими обычными нарушениями скелетов при последующих захоронениях. Наконец, встречены могилы без скелетов, но с погребальными сосудами, определяемые как кенотафы.

Хотя и много реже, но практиковались ритуальные захоронения баранов; об этом можно судить по раскопкам двух таких могил на Дашлы 1 (рис. 6). В могильных ямах на боку в полном анатомическом порядке сохранились скелеты молодых баранов (возраст до одного года), окруженные большим количеством сосудов, уложенных стопками один в другой. Можно было бы допустить, что и эти захоронения — своеобразные кенотафы, тушки баранов определялись бы в качестве заупокойной пищи, однако в одном случае перед мордой барана на его передних ногах сохранился бараний бок! Ритуальные захоронения животных указывают на значительную роль, которую играло животноводство у местных племен, и, видимо, не случайно в обоих случаях бараны имеют северную ориентировку, наиболее распространенную здесь в погребениях эпохи бронзы.

Переходя к керамическому комплексу, следует указать, что наиболее полное и целостное представление дает посуда, происходящая из могил.

⁵ A. Stein. *Archaeological Reconnaissances in North West India and South-Eastern Iran*. London, 1937, p. 118—125.

⁶ H. Hargreaves. *Excavations in Baluchistan 1925, Sampur Mound, Mastung and Sohr Damb*, Nal. MASI, Calcutta, 1925, № 35, p. 18; S. Piggott. *Prehistoric India to 1000 B C*. London, 1962, p. 82.

⁷ A. Dani and other. *Timargarha and Gandhara Grave*, «Ancient Pakistan», 1967, III; S. Antonini, G. Stacul. *The Proto-Historic Graveyards of Swat (Pakistan)*, I—I. Rome, 1972.

Поскольку многие сосуды несут следы употребления в быту, а главное — находят точные аналоги в керамике из раскопов, есть все основания составить таблицу форм керамики, основываясь на сосудах, происходящих из могил. Вся посуда подразделяется на гончарную и лепную, причем решительно преобладает гончарная. Глина ее без видимых примесей (от красного до розового цвета) хорошего качества и обжига. Посуда по преимуществу тонкостенная, изящных форм и пропорций, покрыта ангобом светлых тонов, в редких случаях сплошь окрашена густой красной

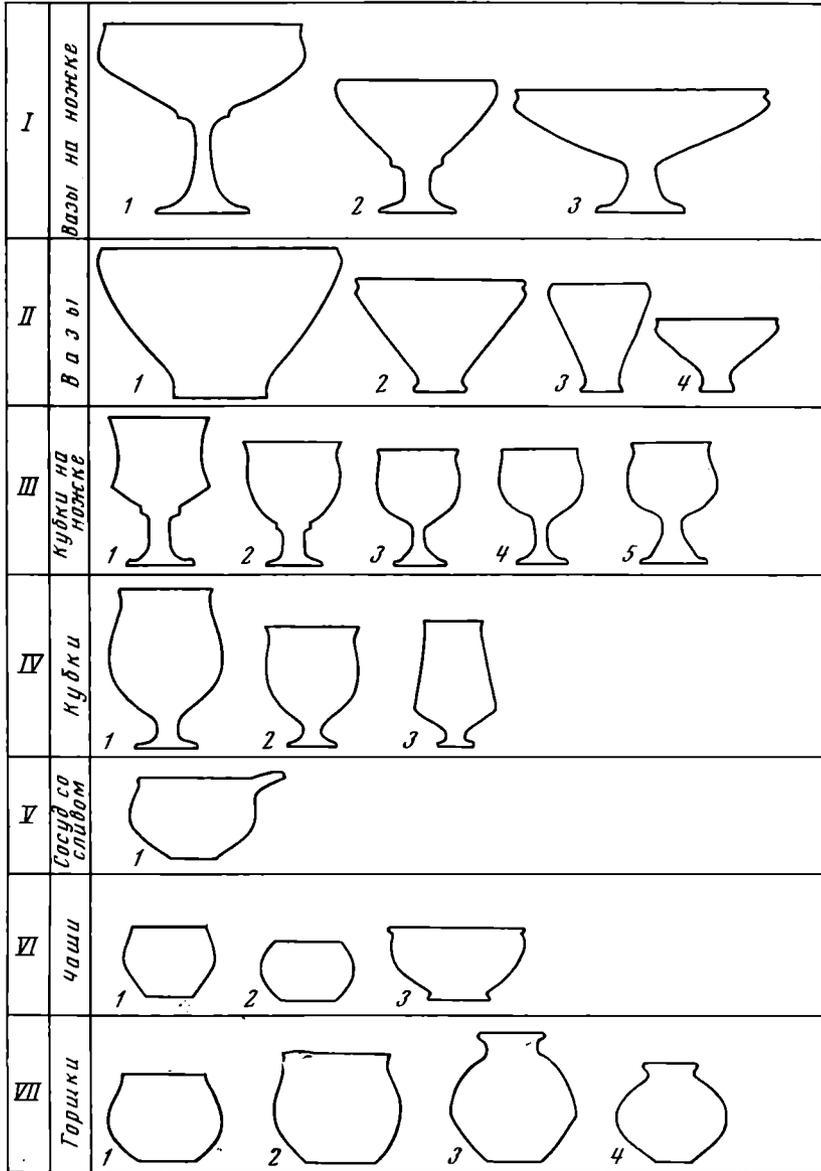

Рис. 7. Таблица форм гончарной керамики

облицовкой. Характерная технологическая деталь — срез на донцах в виде вихревой розетки, практиковавшийся гончарами не только Северного Афганистана, но и Пакистана и южных областей Средней Азии эпохи бронзы. Ниже приводится типология основных форм как первый опыт классификации керамики эпохи бронзы Бактрии (рис. 7 и 8).

Вазы на ножках имеют конические (рис. 7, I, 2) или полусферические резервуары (рис. 7, I, 1, 3), посаженные на высокие (не менее 3 см)

ножки-подставок. Как правило, у крупных экземпляров резервуары и ножки изготавливались отдельно и лишь затем соединялись вместе. Ножки обычно полые внутри, у крупных экземпляров раструбообразные. Венчики либо плавно отогнуты наружу, либо, наоборот, загнуты внутрь; у отдельных экземпляров представлены сложнопрофилированные венчики (рис. 7, I, 3). На некоторых вазах отмечено как красное, так и почти черное красочное покрытие. Вазы на ножках имели широкое назначение, в том числе и в качестве обычной бытовой посуды.

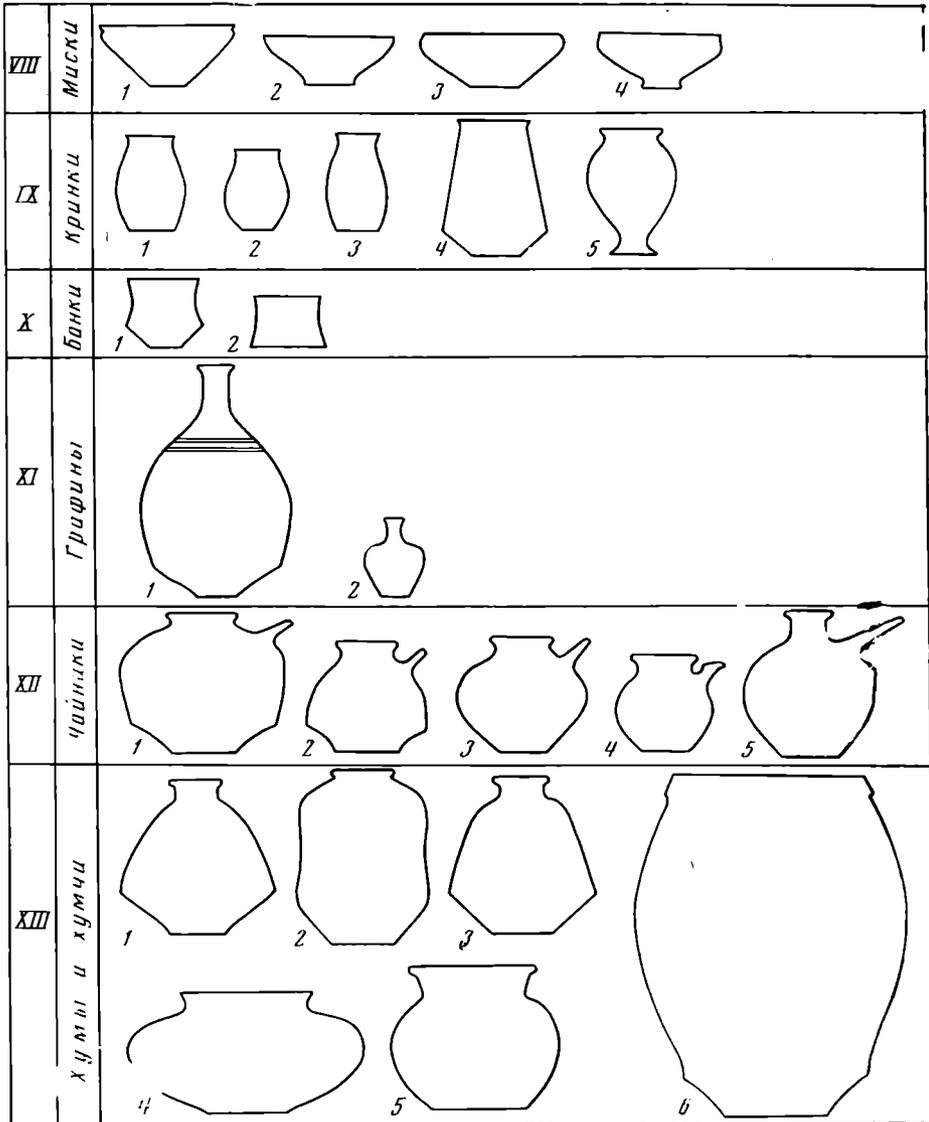

Рис. 8. Таблица форм гончарной керамики

Вазы простые близко напоминают вышеописанные: они имеют коническое тулово, переходящее в цилиндрическое основание, высота которого не превышает 3 см (рис. 7, II). Венчики их обычно слабо отогнуты наружу, поддоны выделены. Как правило, диаметр венчиков больше, чем высота. В единичных случаях имеются вазы, у которых, наоборот, высота больше, чем диаметр венчиков, и в таком случае их можно обозначить как «конические вазы» (рис. 7, II, 3). Наряду с такими выде-

ляются вазы много больших размеров (рис. 7, II, 1), которые для удобства можно обозначить как «глубокие вазы».

Кубки на ножках представлены несколькими вариантами внутри одного типа (рис. 7, III, 1–5). Наиболее распространены кубки с глубокими полусферическими резервуарами, посаженными на высокие ножки высотой более 3 см; реже встречены кубки с вертикально поставленными стенками (рис. 7, III, 1). Большинство их покрыто красноватым ангобом или окрашены с обеих сторон цветной облицовкой густого, ярко-красного цвета. На некоторых сосудах имеется частичное лощение, обычно горизонтальное или вертикальное. Кубки на ножках скорее всего предназначались для питья.

Кубки простые отличаются от описанных лишь тем, что ножки их не превышают 3 см. Как правило, они имеют полусферические резервуары с плавно отогнутыми наружу венчиками (рис. 7, IV, 1–2). Исключение составляет один сосуд с расширяющимся к низу резервуаром, условно отнесенный к этому типу сосудов (рис. 7, IV, 3).

Сосуды со сливами имеют полусферический резервуар с вытянутым вперед и несколько приподнятым вверх лоткообразным сливом (рис. 7, V). В дальнейшем, возможно, целесообразнее будет условно обозначить их как «соусники».

Чаши. Наиболее распространены тонкостенные, светлоангобированные чаши со слабовыраженным венчиком, переходящим в расширяющуюся шейку и затем округлое тулово (рис. 7, VI, 1–2). Среди этого типа сосудов выделяются полусферические чаши со сложно профилированным венчиком, а главное выделенным поддоном (рис. 7, VI, 3).

Горшки представлены сосудами средних размеров (высотой не более 30 см) двух основных вариантов: 1) с плавно отогнутыми венчиками, переходящими в округлое тулово, заканчивающееся плоским дном (рис. 7, VII, 1–2); 2) сосуды более вытянутых пропорций с выделенным горлом, шаровидным туловом и подкошенной придонной частью с плоским дном (рис. 7, VII, 3–4).

Миски. Тонкостенные сосуды, у которых диаметр венчика всегда превышает высоту (рис. 8, VIII, 1–4). Встречено несколько вариантов мисок: конические (рис. 8, VIII, 1); миски с загнутым внутрь венчиком, плавно переходящим в суженный корпус (рис. 8, VIII, 2–3), и миски с выделенным дном (рис. 8, VIII, 4).

Кринки представлены несколькими формами, у которых высота всегда превышает диаметр венчика (рис. 8, IX, 1–5). Наиболее распространены кринки с отогнутым венчиком и выделенной шейкой, переходящей в округло-вытянутое тулово с плоским днищем (рис. 8, IX, 1–3). Единичными экземплярами представлены кринки с подкошенной придонной частью (рис. 8, IX, 4) и особенно кринки с выделенным дном (рис. 8, IX, 5).

Банки составляют весьма ограниченную категорию посуды. Могут быть выделены банки цилиндрические (рис. 8, X, 1) и просто цилиндрические (рис. 8, X, 2). Обе эти формы широко представлены в местной керамике последующего раннежелезного века.

Графины представлены всего несколькими целыми экземплярами (рис. 8, XI). Все известные образцы небольшие по размерам (до 25–30 см высотой), с высоким горлом и округлым туловом, переходящим в плоское дно. Выделяется значительно большими размерами один графин (рис. 8, XI, 1).

Чайники. Достаточно распространенная форма сосудов с характерным признаком — наличием трубчатого носика; при заметных различиях в размерах и деталях профилировки могут быть объединены в один тип (рис. 8, XII). Могут быть выделены два основных варианта: первый — чайники с подкошенной придонной частью. Подобная «шершавая» поверхность придонной части — характерный признак этого варианта чайников (рис. 8, XII, 1–2). Второй вариант (рис. 8, XII, 3–5) составляют

сосуды с выделенными шейками, округлыми туловами и плавным переходом к донцу.

Хумы и хумчи — крупные сосуды для хранения продуктов. При сходных формах основное различие заключается лишь в разных размерах: хумы — сосуды высотой свыше 0,5 м, хумчи — до 0,5 м. Видимо, «классический» тип — хумы яйцевидной формы с неустойчивым дном, свидетельствующим о том, что они закапывались в землю (рис. 8, XIII, 4). Выделяются несколько вариантов этого типа сосудов: конические (рис. 8, XIII, 1, 3), цилиндроконические (рис. 8, XIII, 2) и шаровидные (рис. 8, XIII, 5, 6).

Наряду с основными формами имеются и единичные образцы, как, например, двойные сосудики и ситечки или сителки, керамические подставки. На части сосудов видны нацарапанные с разной степенью небрежности, но еще до обжига знаки-метки, видимо, являющиеся оберегами (рис. 1, 2). Близкие по начертанию знаки-метки известны в иранском Сенстане (Шахри Сохте)⁸, в IV слое Мундигака⁹, в тепе Яхья¹⁰, где отмечено 87 типов знаков в слое IV, в Белуджистане¹¹, в постхарашпской цивилизации долины Инда¹², в Синде, на поселении Амри, начиная с I слоя¹³ и в Юго-Восточной Туркмении¹⁴. В. Файрсервис первый обратил внимание на них, отметил сходные знаки Кветты и Хараппы и высказал мнение, что подобные знаки отражают систему общепонятных символов в виде торговых знаков, личного владения мастера-изготовителя и даже благопожелания¹⁵. Если эта гипотеза подтвердится, то можно расширить зону распространения общепонятных символов вплоть до Северного Афганистана. С другой стороны, показательно, что керамические знаки не отмечены ни в Гиссаре, ни в Сиалке, но имеются в Шах-Тепе¹⁶ и, видимо, на других памятниках Горганской долины. Приведенные наблюдения достаточно четко очерчивают зону распространения керамических меток — от Восточного Ирана до долины р. Инда и от юга Средней Азии до Белуджистана. Показательно, что нацарапанные знаки распространяются здесь примерно в одно время — II тысячелетие до н. э., что, возможно, не случайно.

Вторую группу керамики составляет немногочисленная лепная посуда: глина с примесью шамота, обжиг неровный. Формы весьма ограничены и в целом повторяют гончарную керамику (рис. 9). Некоторое различие заключается лишь в том, что венчики непрофилированы и всегда поставлены строго вертикально. Основные формы: хумчи, горшки, шаровидные котлы с резко отогнутым венчиком, жаровни (диаметром до 0,5 м) и невысоким бортиком; как правило, внутри имеются следы копти. Ни на одном из них не отмечен какой-либо орнамент.

И, наконец, весьма ограниченную, но характерную коллекцию составляют фрагменты сероглиняной (в одном случае красноангобириванной) посуды ручной лепки с пролощенным, чаще всего сетчатым орнаментом. Реконструируются следующие формы: полусферические чаши, широко-

⁸ M. Tosi. Excavations at Shahr-i Sokhta, a Chalcolithic Settlement in the Iranian Sistan. «East and West», Roma, 1968, 18, № 1—2, p. 54.

⁹ I. M. Casal. Fouilles de Mundigak, II. Paris, 1961, fig. 87, 93, 105.

¹⁰ C. C. Lamberg-Karlovsky. Excavations at Tepe Jahja, Iran. Cambridge, 1970, fig. 18. По автору, этот период датируется III тысячелетием до н. э., что представляется малообоснованным. См. В. И. Сарианиди (рец.) C. C. Lamberg-Karlovsky. Excavations at Tepe Jahya, Iran. СА, 1972, 1, стр. 282—283.

¹¹ W. A. Fairervis. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan, Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, 45, N. Y., 1956, p. 328—329, pl. 14.

¹² Ср., например: E. Mackay. Chanhu-Daro Excavations. New Haven, 1943, pl. XLVIII.

¹³ I. M. Casal. Fouilles d'Amri. Paris, 1964, fig. 46, 53, 61, 90 и др.

¹⁴ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргяны. МИА, 73, 1959, табл. V, VIII.

¹⁵ W. A. Fairervis. The Roots of Ancient India. N. Y., 1971, fig. 58.

¹⁶ T. J. Arne. Excavations at Shah-Tepe. Stockholm, 1945, pl. LXIV.

горлые кувшины, миски, чайники, сосуды со сливами, находящие наиболее прямые аналогии в керамике Северо-Восточного Ирана.

Дашлинский керамический комплекс характеризуется таким высоким профессиональным мастерством изготовления и богатым разнообразием форм (рис. 10), что с несомненностью предполагает предшествующую линию развития. Однако в пределах Северного Афганистана такие материалы пока неизвестны, что заставляет обратиться к более ранним ком-

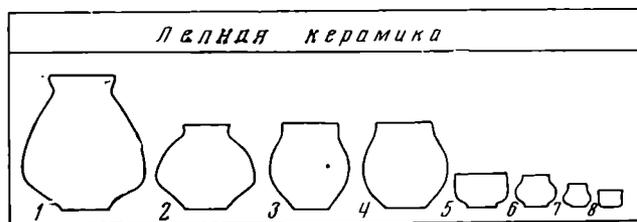

Рис. 9. Таблица форм лепной керамики

плексам сопредельных областей. В качестве основных сравниваемых форм принимаются во внимание в первую очередь вазы на ножках, вазы простые, сосуды со сливами, в меньшей степени хумчи с резко подкошенной придонной частью. Добавим, что вазы на ножках известны в Месопотамии, Малой Азии, островной и материковой Греции, поэтому высказано мнение о продвижении этой формы из Прикаспия в Северную Месопотамию, Северную Сирию, Анатолию и Балканский полуостров¹⁷.

В нашем дальнейшем изложении, как неперемное условие для возможных аналогий, учитывается совместное сочетание по крайней мере ваз и сосудов со сливами. В этом плане наиболее показательные соответствия могут быть отмечены в керамике Южного Туркменистана (комплекс Намазга V)¹⁸. В Северо-Восточном Иране это такие, как Шах-Тепе II, Гиссар III и Тюренг-Тепе III¹⁹. Далее на юг, по необходимости минуя совершенно неисследованный иранский Хорасан, сходные материалы отмечаются в долине Бампура (Хураб)²⁰. В Южном Белуджистане показательны вазы на ножках, происходящие из таких памятников, как Суткаген Дор²¹, и особенно из развеянных могил поселения Мехи²², где, кстати, весь набор погребального инвентаря, включающий помимо ваз зеркало, браслеты и булавки²³, настолько близко напоминает дашлинский, что исключает элемент случайного совпадения. Соответствующая керамика известна в харапской цивилизации, а в последние годы отмечена еще далее на восток вплоть до Центральной Индии (посуда типа Мальва)²⁴. Как видно, область распространения некоторых сходных керамических форм, хотя и весьма обширна, но, что особенно важно, не заходит западнее ирано-афганистанской пограничной зоны²⁵.

¹⁷ T. J. Arne. Op. cit., p. 239—240.

¹⁸ В. М. Массон. Расписная керамика Южного Туркменистана из раскопок Б. А. Куфтина. ТЮТАКЭ, VII, 1956.

¹⁹ T. J. Arne. Op. cit.; E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937; J. Deshayes. New Evidence for the Indo-Europeans from Tureng tepe. «Archaeology», 1969, № 22.

²⁰ A. Stein. Archaeological Reconnaissance..., pl. XV, № 242, 243, 245, 246.

²¹ A. Stein. An Archaeological Tour in Gedrosia. MASI. Calcutta, 1931, № 43, pl. V—VII.

²² Ibid., pl. XXX.

²³ Ibid., pl. XXXII.

²⁴ H. D. Sankalia. Chalcolithic Navdatoli. Poona—Baroda, 1971, pl. XII и др.

²⁵ В тепе Яхья найдены лишь единичные обломки ваз (см. С. С. Lamberg-Karlovsky. Excavations at Tepe Yahya..., fig. 30) и совершенно отсутствуют они в Тали Иблисе (Investigation at Tal-i-Iblis, ed. I. Caldwell. Illinois, 1967); даже в таком хо-

Рис. 10. Дашлы 1. Сосуды разных форм

Более сложен вопрос о механизме распространения этих специфических форм керамики в пределах очерченной зоны. Наиболее вероятным центром считается Северо-Восточный Иран, однако в последнее время ряд исследователей, особенно индийские археологи, предполагают более обширный западноазиатский источник происхождения. Так, сосуды со сливами известны в культуре Мальва (Индия) и Иране, но совершенно отсутствуют в промежуточной зоне Инда и Белуджистана²⁶. И, видимо, прав Х. Санкалия, определяя эту специфическую керамику (вазы, соусники) как местную, но изготовленную под иранским или западноазиатским влиянием²⁷. Более того, допускается, что эти специфические формы Гиссара-Спалка, с одной стороны, и индийские — с другой, видимо, относятся к разному времени, так что можно предполагать промежуточный источник общего происхождения²⁸. Не совсем ясным остается и вопрос о происхождении такой характерной хараппской формы, как вазы для фруктов; одни специалисты рассматривают их как следствие иранского влияния, другие считают их местными белуджистанскими²⁹. Добавим, что известны они теперь и в дохараппских слоях долины Инда (Кот Джи)³⁰ и Синде (Амри)³¹, однако и в этом случае не исключена их взаимная западноазиатская общность, восходящая к периоду до становления городской цивилизации в долине Инда³². Если вопрос о происхождении рассматриваемых керамических форм на индийском субконтиненте не совсем ясен, то уже в соседнем Южном Белуджистане и на крайнем юго-западе Ирана эта керамика настолько показательна, что может указывать на племенную инфильтрацию³³. В самом деле, появление в до-

рошо изученном памятнике, как Тепе-Глян, известна лишь одна ваза на ножке, явно импортная (G. Contenau et R. Ghirshman. Fouilles du Tepe-Gijan. Paris, 1935, pl. 9, tomb. 7).

²⁶ H. D. Sankalia. Spouted Vessels from Navda Toli and Iran. «Antiquity», 1955, № 114, p. 112—114.

²⁷ H. D. Sankalia. Chalcolithic Navdatoli. Poona — Baroda, 1971, p. 410—415, pl. XII

²⁸ H. D. Sankalia. New Light on the Indo-Iranian or Western Asiatic Relations between 1700—1200 B. C. «Artibus Asiae», XXVI, № 3/4, p. 312—331.

²⁹ S. Piggott. Prehistoric India..., p. 193—194

³⁰ F. A. Khan. Excavations at Kot Diji. «Pakistan Archaeology», 1955, № 2, fig. 14.

³¹ I. M. Casal. Fouilles d'Amri, II. Paris, 1964, fig. 48, № 80; fig. 55, № 148 и др.

³² Видимо, не случайно вазы на ножках из Белуджистана часто покрыты росписью, свидетельствуя о местной декоративной переработке привнесенных форм.

³³ Ср. В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 225—226.

лине Бампура, а затем Макране нерасписной посуды специфических форм на фоне местной расписной керамики, восходящей к галибакунским керамическим традициям, указывает на интенсивные племенные передвижения. Поскольку подобные формы отсутствуют в Фарсе, но зато широко распространены в поясе: Восточный Иран, Северный Афганистан, юг Средней Азии, то станет очевидным, что магистральная линия предполагаемых передвижений проходила вдоль ирано-афганской пограничной зоны.

В настоящее время соответствующие стратифицированные материалы имеются лишь в Южном Туркменистане и Северо-Восточном Иране. Уже Е. Шмидт отмечал, что, хотя в целом формы посуды слоя Гиссар I—II идентичны, распространение сероглиняной керамики специфических форм, видимо, объяснялось влиянием керамических традиций Горганской долины³⁴. Действительно, именно в слое Гиссар II появляются вазы на ножках, до определенной степени напоминающие североафганские, но находящие более прямые аналогии в Шах-Тепе и Намазга-Тепе. В плане их взаимной синхронизации показательны вазы с гофрированными ножками Гиссара II В³⁵, находящие соответствия в слое III на поселении Шах-Тепе³⁶ в материалах позднего Намазга IV с Намазга-Тепе³⁷ и Улут-Тепе³⁸.

В Гиссаре II встречена ваза, которую выделяет непропорционально большая ножка и маленький резервуар³⁹. Близкая форма отмечена в дельте р. Мургаб и долине Инда⁴⁰, но пока неизвестна в Северном Афганистане, что может указывать на более позднее время бытования дашлинского комплекса. С другой стороны, сосуды со сливами появляются в Гиссаре не ранее слоя III В и продолжают в III С так, что именно этот период может быть сопоставлен с дашлинским. Уже из этих наблюдений можно сделать один существенный вывод: в указанных ирано-туркменистанских памятниках исследуемые формы керамики появляются намного раньше, чем в Афганистане. В свою очередь Северо-Восточный Иран является зоной распространения серой керамики, а Южная Туркмения (исключая Мисрианскую долину) — светлофонной посуды, и в этом плане дашлинский комплекс более всего тяготеет к туркменистанскому. Однако нет оснований усматривать прямую туркмено-афганскую линию происхождения, скорее всего имелся промежуточный центр.

Переходя к другим изделиям, отметим, что, хотя обитатели дашлинского оазиса уже знакомы были с металлом, они еще достаточно широко использовали камень для выделки наконечников стрел и дротиков (рис. 11), ножей для разделки мяса, проколов и сверл, длинных пластин, являвшихся вкладышами от серпов⁴¹. Достаточно широкий набор проколов и сверл, видимо, был связан с обработкой шкур и, в частности, с изготовлением обуви. На это указывает находка терракотовой «сапожной» колодки, точно копирующей восточный тип обуви с загнутым наверх носком⁴². Из камня вытачивались редкие миниатюрные флаконы, вазы на ножке, пряслица,

³⁴ E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, p. 112.

³⁵ Ibid., pl. XXV, H 5070.

³⁶ T. J. Arne. Op. cit., pl. XLIV, fig. 317—319; pl. XLVI, fig. 328.

³⁷ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтива. ТЮТАКЭ, 1956, VII, Ашхабад, стр. 306, табл. XXX, XXXII и др.

³⁸ Неопубликованные материалы автора хранятся в ИА АН СССР (Москва).

³⁹ E. Schmidt. Op. cit., pl. XXVI, H 4782.

⁴⁰ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы..., стр. 27, табл. IX, № 3.

⁴¹ Кремневые изделия просмотрены Г. Ф. Коробковой, за что приношу ей свою благодарность.

⁴² Ср. аналогичные изделия из Шахи Сохте. M. Tosi. Excavations at Shahr-i Sokhta Preliminary Report on the Second Campaign. «East and West», 1969, 19, № 3—4, fig. 201—206.

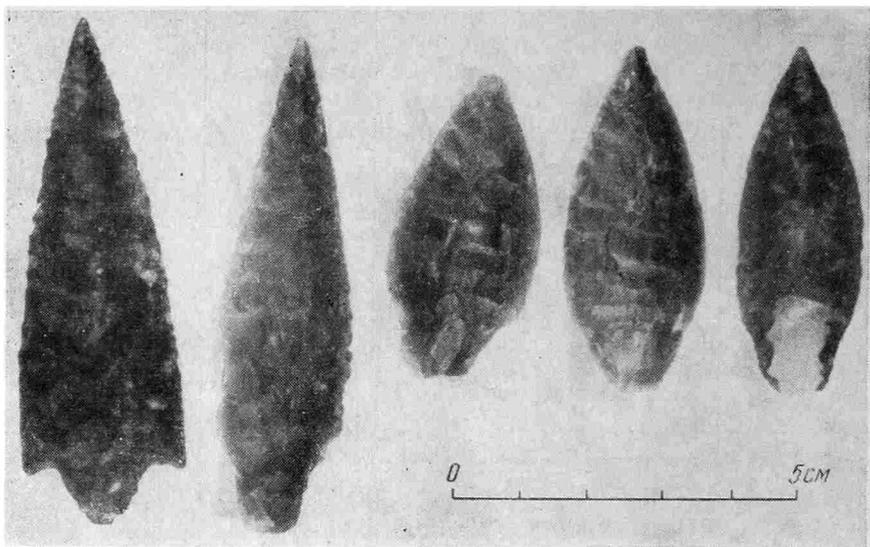

Рис. 11. Дашлы 3. Кремневые наконечники

бусины и пронизки. Показательны биконические бусы с кружковым орнаментом (рис. 1, 8), известные в Гиссар III, Шах-Тепе II, Маргиане и постхарарипской культуре Джужхар⁴³. Особого интереса заслуживают каменные «колонки», прямо аналогичные таким же с поселения Гиссар, где они появляются в самых верхних слоях и не имеют местных прототипов⁴⁴; известны они и в афганском Сеистане, но в перемещенном виде⁴⁵, а также в Белуджистане⁴⁶. Столь широкое географическое распространение «колонок» может указывать на существование общего для всех них центра происхождения.

Обращает на себя внимание полное отсутствие антропоморфной пластики; из зооморфной известны лишь два обломка рогатых животных. Столь же показательна большая редкость украшений, сделанных из лазурита, сердолика и бирюзы, хотя имеется одна золотая бусина. Костяные изделия весьма немногочисленны (рис. 1, 6); имеются олени рога, которые, видимо, использовались в земледелии.

Металлические изделия представлены как орудиями труда, так и украшениями. Основным материалом служила медь с большим набором естественных микропримесей, оловянистая и свинцовистая бронза⁴⁷. Среди орудий труда выделяются серпы с зубчатыми лезвиями и загнутыми концами ручек (рис. 1, 2); типологически наиболее близкими являются серпы из Анау⁴⁸ и Сялка⁴⁹, однако североафганские (из-за зубчатого, а не гладкого лезвия) представляют более прогрессивный тип. Особенно интересны слегка изогнутые бритвы (поразительно близко напоминающие современные безопасные бритвы), точные аналогии которым пока неизвестны⁵⁰.

⁴³ E. Schmidt. Op. cit., p. 322, pl. LXX; T. J. Arne. Op. cit., p. 198—199, pl. XXXIII; B. M. Macson. Древнеземледельческая культура..., стр. 26; N. Majumdar. Explorations in Sind. MASI, Dehli, 1934, № 48, p. 58, pl. XXXIII.

⁴⁴ E. Schmidt. Op. cit., p. 216—219, pl. LXI.

⁴⁵ G. Dales. Prehistoric Research in Southern Afghan Seistan. «Afghanistan», 1972, XXIV, № 4, fig. 16, 17.

⁴⁶ S. Piggott. Dating the Hissar Sequens — The Indian Evidence. «Antiquity», 1943, XVII, № 68, p. 181—182.

⁴⁷ Привошу благодарность Н. Н. Тереховой за металлографический и Е. Н. Черный за спектроаналитический анализы металла.

⁴⁸ R. Pumpelly. Exploration in Turkestan, I—II. Washington, 1908, tab. 39.

⁴⁹ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, I—II. Paris, 1939, p. 9, pl. II.

⁵⁰ Cp. I. Deshayes. L'outil de bronze de l'Indus au Danube. Paris, 1960, I, p. 311: II, p. 141—143.

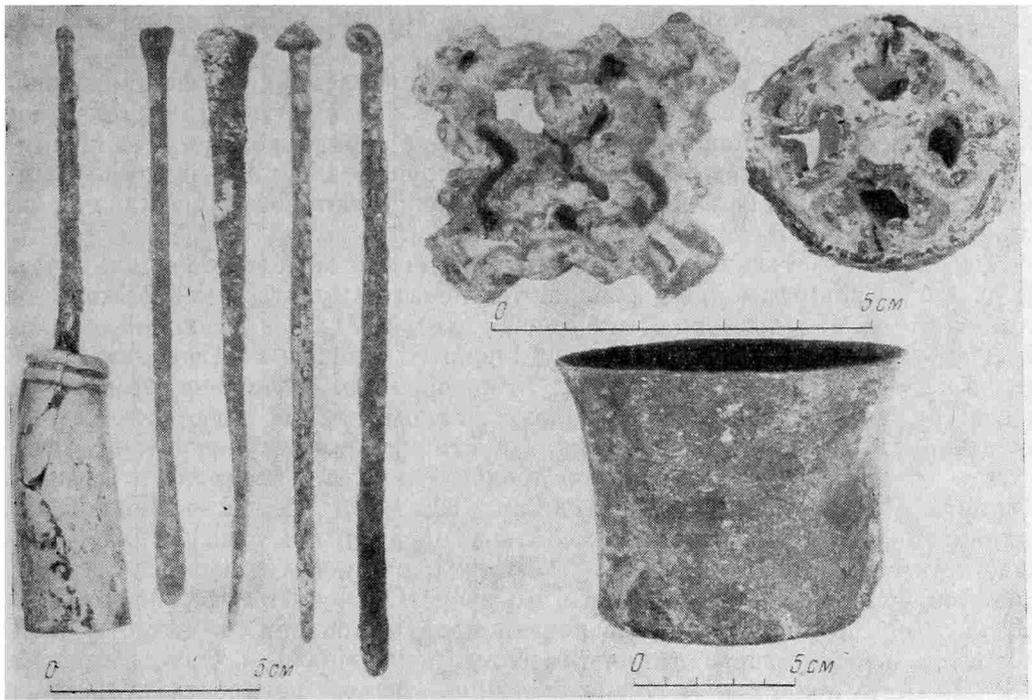

Рис. 12. Дашлы 3. Металлические изделия

Сравнительно близкий тип дают «бритвы» тулхарского могильника, хотя они более массивны и грубо выполнены⁵¹. Игла, шилья, проколки и изделие с костяной ручкой (рис. 12) дополняют известный набор металлических орудий труда.

Достаточно широко были распространены украшения (рис. 1, 4) и в первую очередь булавки с коническими, биспиральными, петлевидными и лопаточковидными навершиями (рис. 12). Наиболее древние прототипы их известны в ирано-туркменистанском круге, начиная с IV тысячелетия до н. э. и до конца II тысячелетия до н. э. Если учесть очевидное сходство их с североафганскими, которые датируются не ранее середины II тысячелетия до н. э., то станет очевидной и соответствующая линия их происхождения. Ирано-туркменистанский аспект происхождения подчеркивается булавкой с Дашлы 3, навершие которого оформлено в виде двух миниатюрных сидящих баранов; зооморфные навершия хорошо известны опять-таки и в Гиссаре⁵², и в Намазга-Алтып-Тепе⁵³. Лопаточковидные булавки лучше всего представлены в энеолите Южного Туркменистана, где они устойчиво доживают до эпохи бронзы; известны они и в Северной Бактрии (Тулхарский могильник)⁵⁴.

Из могил происходят два типа зеркал: с ручками и без таковых, достаточно хорошо представленные на Древнем Востоке (рис. 1, 10), в том числе в Гиссаре⁵⁵, в женских погребениях некрополя Сиалка⁵⁶,

⁵¹ А. М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА, 145, Л., 1968, табл. IV, № 7—8.

⁵² E. Schmidt. Op. cit., pl. XLVIII.

⁵³ E. Агагарриев, О. Бердыев. Археологическое изучение Туркменистана за годы Советской власти. СА, 1967, 3.

⁵⁴ А. М. Мандельштам. Ук. соч., табл. VIII. Показательны такие булавки, воткнутое в миниатюрные сосуды в могилах энеолитического Геокскура; точно в таком сочетании встречены они и в одной могиле с Дашлы 3.

⁵⁵ E. Schmidt. Op. cit., pl. LIV.

⁵⁶ R. Chirshman. Op. cit., pl. XXIX, № 8.

в Мундигаке⁵⁷, Белуджистане⁵⁸, долине Инда⁵⁹, юго-западе Средней Азии⁶⁰.

Североафганские образцы полностью входят в круг бытования зеркал отмеченного региона, а не степных культур Средней Азии, свидетельством чего служит их хронологический приоритет сравнительно с зеркалами андроновской культуры⁶¹. Браслеты и височные кольца с несомкнутыми концами, а также бочковидные бусины дополняют набор металлических украшений.

Весьма показательны керамические, каменные и металлические печати (рис. 1, 3). Среди каменных выделяются печати-амулеты с изображениями крылатого льва и, возможно, скорпиона (рис. 1, 7). Но, бесспорно, особого интереса заслуживают металлические печати, отлитые перегородчатой, нередко прорезной техникой (рис. 12). Как правило, на лицевой стороне нанесен орнамент, в котором преобладают фигуры крестов; с оборотной стороны всегда имеется петелька-ручка. Печати дашлинского оазиса входят в круг распространения памятников древней глиптики Восточного Ирана⁶², Южного Афганистана (Мундигака, Саид Кала)⁶³, побережья Персидского залива (Бампур, Тепе Яхья)⁶⁴; несколько печатей известно в Южном Белуджистане (Наль, Шахи Тумп)⁶⁵ и постхараппской культуре Джукхар⁶⁶. Наконец, Южный Туркменистан⁶⁷ и Северо-Восточный Иран составляют тот регион, где перегородчатые печати появляются раньше всего и представлены с наибольшим типологическим разнообразием. Отметим, что в Месопотамии и Западном Иране преимущественно распространены были цилиндры-печати, а в долине р. Инда хараппского времени — специфические печати индийского типа. Намеченные географические и хронологические рамки достаточно четко выделяют ареал бытования перегородчатых печатей с наиболее вероятным ирано-туркменистанским центром. Именно отсюда шло распространение их в восточном направлении так, что перегородчатые печати дашлинского оазиса фиксируют один из таких пунктов.

Заключая обзор вновь открытого бактрийского археологического комплекса, подведем некоторые итоги. Прежде всего имеющиеся радиоуглеродные даты (Дашлы 1, Раскоп 1, помещение 18, ЛЕ 976, $3200 \pm 45 = 1250$ до н. э.; Дашлы 1, Раскоп 1, помещение 24, ЛЕ 975, $3520 \pm 45 = 1570$ до н. э.; Дашлы 2, шурф № 1, ярус IV, ЛЕ 977, $3340 \pm 45 = 1390$ до н. э.; Дашлы 3, грунтовый могильник, ЛЕ 978, $3440 \pm 50 = 1490$ до н. э.) выделяют время существования комплекса: середина — вторая половина II тысячелетия до н. э. Носители этой культуры не являются исконными обитателями в Бакт-

⁵⁷ *I. M. Casal. Fouilles de Mundigak, fig. 139. № 17.*

⁵⁸ *A. Stein. An Archaeological Tour...*, pl. XXXII.

⁵⁹ *E. Mackay. Further Excavations at Mohenjo Daro. New Dehli, 1937, pl. XVIII, 10.*

⁶⁰ *В. И. Сарганиди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении, САИ, 1965, стр. 40.*

⁶¹ *Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966.*

⁶² *M. Tosi. Excavations at Shahri Sokhta...*, «East and West», 1968, 18, № 1—2, fig. 101; *M. Tosi. Excavations at Shahri-Sokhta...* «East and West», 1969, 19, № 3—4, fig. 276; *W. Fairervis. Archaeological Studies in the Seistan Basin of South Western Afghanistan and Eastern Iran, Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. N. Y., 1961, fig. 32.*

⁶³ *I. M. Casal. Fouilles de Mundigak...*, pl. XLV; *I. Shaffer. Preliminary Field Report on Excavations at Said Kala Tepe. «Afghanistan», XXIV, № 2—3, p. 89—127.*

⁶⁴ *B. de Gardi. Excavations at Bampur, A Third Millennium Settlement in Persian Beluchistan, 1966, Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. N. Y., 51, 1970, fig. 47; C. C. Lamberg-Karlovsky. Excavations at Tepe Jahya...*, pl. 25.

⁶⁵ *H. Hargreaves. Excavations in Baluchistan. «Memoires of the Archaeological Survey of India», Calcutta, 1929, № 35, pl. XV; A. Stein. An Archaeological Tour...*, pl. XIV.

⁶⁶ *E. Mackay. Chanhru Daro...*, p. 24—26. Имеются сведения о наличии их в Дабар-Кот и Рана Гундай (см. *M. Tosi. Excavations at Shahri-Sokhta...*, p. 378).

⁶⁷ *В. И. Сарганиди, К. А. Кацурус. Раскопки на Улут-депе, АО — 1967, М., 1968, стр. 343; Е. Агагарриев, О. Бердыев. Археологическое изучение...*, стр. 135, рис. 3; *В. М. Массон. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, 1967, 3.*

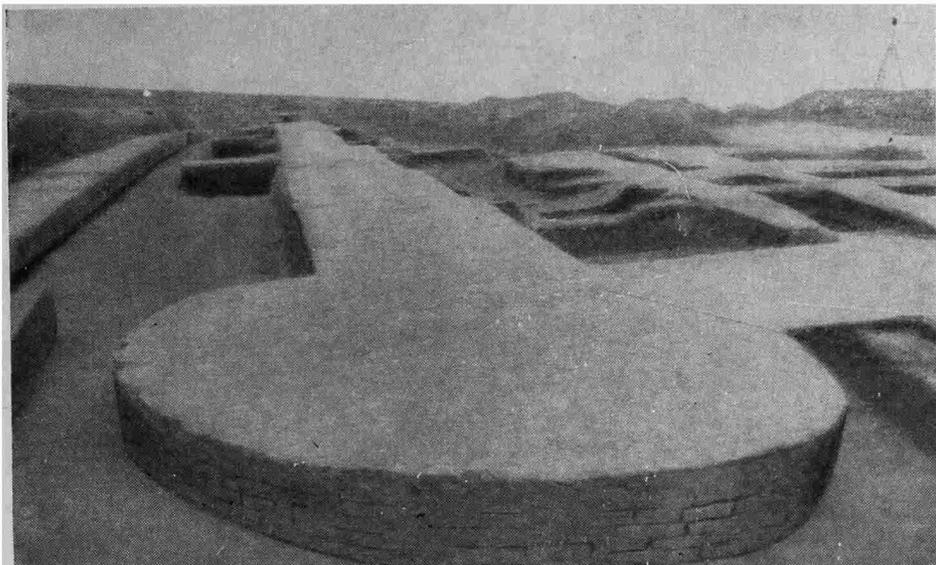

Рис. 13. Дашлы 1. Часть оборонительной стены с угловой башней

рии, а появляются здесь где-то в середине II тысячелетия до н. э. Земледельцы и скотоводы ведут оседлый образ жизни в небольших поселках. Выделившаяся знать обитала в укрепленных крепостях (рис. 13) и, видимо, составляла прослойку администрации, регламентировавшую жизненный уклад местного общества. Свидетельством все большей централизации может служить и монументальный храм, являющийся, вероятнее всего, культовым центром всего оазиса (рис. 14). Все это вместе с, несомненно, уже выделившимся ремеслом свидетельствует о высокоразвитом обществе Бактрии эпохи бронзы, однако еще ничто не указывает на «нисхождение царской власти» в это время.

Переходя к проблеме происхождения рассматриваемого комплекса, отметим, что вышеприведенный анализ материальной культуры и особенно керамики выделяет как наиболее вероятный ирано-туркменистанский центр, однако искомая культура конкретных предшественников, видимо, еще нами не открыта. Выше отмечалась предпочтительная близость дашлинского керамического комплекса с комплексом Намазга V, однако, по нашему мнению, и последний в свою очередь скорее всего сложился под влиянием иранских керамических традиций. Имеется еще одно, принципиально важное наблюдение — это полное отсутствие антропоморфной пластики в культуре Бактрии и, наоборот, изобилие ее в Горганской долине и Туркменистане (исключая опять-таки дахистанскую культуру в Мисриане). Если учесть ярко выраженное культовое назначение антропоморфных статуэток⁶⁸, то станут очевидными существенные различия между этими культурами. С другой стороны, уже на поселении Гиссар встречены лишь единичные антропоморфные статуэтки, а в Сяллке их нет вообще. Приведенные наблюдения в совокупности с отмеченными дашлинско-гиссарскими параллелями приобретают особую значимость, выделяя Восточный Иран как наиболее вероятный центр, откуда иммигранты в конечном счете достигают плодородных оазисов Бактрии. Аналогичные, если не тождественные, комплексы открыты в Южном Узбекистане⁶⁹, свидетельствуя о широком процессе предполагаемой миграции, когда начинают осваиваться и земли Северной Бактрии.

⁶⁸ В. М. Массон, В. И. Сарияниди. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы М., 1973.

⁶⁹ А. Аскарлов. К вопросу о выделении культуры Сапалли..., стр. 21—23; Г. А. Пу- гаченкова. Работы в Шурчинском районе Узбекской ССР. АО — 1972. М., 1973, стр. 467.

Рис. 14. Дашлы 3. Общий вид круглого здания

Несколько сложнее обстоит вопрос о происхождении маргианского комплекса, в целом аналогичного бактрийскому⁷⁰. Прямая линия взаимного происхождения между ними исключается, так что скорее всего можно предполагать их общий центр происхождения. Думается, что вторая линия из предполагаемого центра ведет в сторону Южного Туркменистана и несколько позднее бассейна Мургаба. Не исключено, что в колонизации Маргианы вначале приняли участие местные племена, однако в целом мургабский археологический комплекс находит преимущественные аналогии в бактрийских материалах. В этой связи приобретает особую значимость сообщение Бехистунской надписи о том, что в 523—522 гг. до н. э. Маргиана входила в состав Бактрии⁷¹. В свете новых открытий представляется возможным считать, что такое объединение восходит к несравненно более раннему времени вплоть до середины II тысячелетия до н. э. и лишь отсутствие письменных данных препятствует конкретизации этого допущения.

Как бы то ни было, но во избежание терминологической путаницы кажется наиболее целесообразным выделить бактрийско-маргианский археологический комплекс, предполагающий общий путь развития и происхождения. Дальнейшая история этих племен еще далека от окончательного решения. Отметим близкие, но во многом самобытные материалы Свата, где в могильном инвентаре широко представлены вазы и кубки на ножках⁷². Не исключено, что эти сосуды отражают влияние керамических традиций Бактрии, но и в этом случае культура Свата выступает как самостоятельная с отличными погребальными (трупосожжение) и культовыми (наличие женских статуэток) обрядами. Наконец, могильники Тулхарский и Тигровая Балка⁷³ могут свидетельствовать о взаимных контактах степных и оседлоземледельческих племен, что документируется многими чертами сходства.

⁷⁰ В. И. Сарваниди. Древности низовий Мургаба..., стр. 483—484.

⁷¹ История таджикского народа. М., 1963, стр. 157.

⁷² C. Silvi Antonini, G. Stacul. The Protohistoric Graveyards of Swat (Pakistan), I—II. Roma, 1972.

⁷³ Б. А. Литвинский рассматривает эти могильники как оставленные выходцами из Южного Туркменистана, перешедшими от земледельческого ведения хозяйства к скотоводческому (Б. А. Литвинский. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1967, 4, стр. 126—127). В более расширенном виде эта гипотеза приведена в его другой статье (Б. А. Литвинский. Археологические работы в Таджикистане в 1962—1970 гг. В сб. «Археологические работы в Таджикистане». М., 1973, стр. 10—13).

BACTRIANE A L'AGE DE BRONZE

R é s u m é

Les travaux de la mission archéologique soviéto-afghane ont mis au jour, sur les terres originelles de Bactriane, des sites primitifs agricoles de l'âge de bronze (II moitié du II millénaire avant n. è.). De vastes prospections sur une de ces oasis (celle de Dashly — fig. 2) ont révélé que l'essentiel de la population habitait les villages ordinaires non-fortifiés alors que certaines grandes familles (clans) s'abritaient dans les forteresses aux murs de brique puissants (Dashly 1) renforcés par des tours de défense (fig. 3). La forteresse mise au jour (rectangulaire et protégée par les tours angulaires) est du type le plus ancien au Proche-Orient. Le complexe monumental de palais et d'édifices cultuels (Dashly 3) consiste en palais rectangulaire et en temple de feu circulaire (fig. 5). L'existence de ce centre administratif et cultuel dans l'agglomération de petite importance témoigne du processus bien poussé de la différenciation de la société bactrienne. Les sépultures anciennes sont de 3 types: complètes, partielles et cénotaphes; se font voir les inhumations rituelles de moutons (fig. 6). La poterie faite au tour (fig. 7, 8), largement répandue, est accompagnée (en quantité moindre) par celle façonnée à la main (fig. 9). Les outils en cuivre et en bronze étant déjà connus (fig. 12), ceux en silex sont employés couramment (fig. 11). Compte tenu des sites analogues reconnus en Margiane, il est lieu de réunir les matériaux en question sous le nom de «complexe archéologique bactriano-margien». La provenance du complexe n'est pas tout à fait claire: les matériaux provenant du sud de Turkménistan (ceux de Namazga VI) et du nord-est d'Iran (ceux de Hissar III) en sont les plus proches, il n'est pourtant sans vraisemblance qu'ils proviennent d'une source unique qui reste encore à découvrir.